

ВСЁ НИЧЕГО

Два этих дома стояли прямо у моря. Так их когда-то построили, так они и стояли. И если у всех горожан обыкновенно был двор – с сарайчиками, песочницами, огородиком, то у жителей этих домов был песчаный пляж. Те из них, кто не боялся мыслить вольно, с размахом – а это, как правило, те, чьи окна выходили к пляжу, – говорили, что все огромное море, разлившееся синей кляксой по карте мира и превосходившее размером многие не самые последние в мире государства, было их двором. И по-своему оказывались правы.

Сам городок был совсем небольшим, а единственный в нем пляж – не таким уж широким и протяженным. Поэтому все, кто хотел искупаться и поваляться, приезжали сюда на автобусе. От остановки нужно было пройти по узенькой улочке среди непонятного назначения зданий и складов. Как последнее препятствие на пути к пляжу высились, торцами друг к другу, две четырехэтажки. Дорога была настолько узкой, что из окон, расположенных напротив, вполне можно было здороваться за руку. А на машине по ней было ехать некуда – ну разве что с разгона в песок.

Дома и числились по этой улице, больше было негде: справа и слева от них начинались кафешки, снова сараи, снова кафешки, а потом уже высокие заборы, ограждавшие, как водится, закрытые территории. Но Егор из своего окна мог видеть все, что там происходило. А не происходило там никогда и ничего. Просто оградили территорию когда-то, в незапамятные времена, чтоб не шатались почем зря – да и забыли, наверное. И все свои годы, что жил здесь, – а жил Егор здесь с рождения, – он наблюдал, как омывают волны пустой, заброшенный берег за забором. Егор был из числа тех, кому «повезло»: все окна его квартиры выходили «на море». Но были у такого положения и минусы: все, чем он занимался на пляже, легко обозревалось родителями. Сколько скандалов запомнил он с той поры, когда только начал пить пиво, курить...

Но сейчас и родители, кажется, успокоились. Ну смотрят и смотрят. Иногда они и сами выходили к морю, бродили по песку, как и многие их соседи. Но взрослые гуляли разобщенно, своими семьями или поодиночке, а молодые – всем, кому по двадцать или около того – собирались в стаю, как говорили сами. Стая гнездилась возле единственной уцелевшей скамейки, выроставшей прямо из песка и всегда щедро осыпанной им же. Гнездилась – здесь верное слово: их стая скорее была голубиной, чем волчьей; они собирались просто затем, чтобы собраться. На них никто не нападал, и сами они тоже. Их жизнь и их встречи – все проходило вдали от «разборок» окраин и центра, «тусовок», «движух». Летом на пляже бывало полно народу: люди загорали, играли в волейбол, пили, флиртовали; от берега отходили лодочки, вечерами танцевали у кафе, жарили шашлык, варили мидий. Поздней осенью, не говоря уж о зиме, здесь не было ничего.

Но они все равно выходили. Егор надевал теплую куртку, зашнуровывал кроссовки, пересчитывал мелочь и бежал, как говорил родителям, «во двор». Он нигде не учился и не планировал, не работал, никуда не рвался за пределы своего двора. Делать было всегда нечего, но сидеть дома – и вовсе невыносимо. Он огибал торец дома, ступал на песок и уверенной походкой направлялся к скамейке, где непременно кто-то уже сидел.

Егору «было без разницы» кто. Он не считал кого-то из них другом или приятелем, или кем-то еще. Просто шел, чтобы влиться в стаю, запрыгнуть на скамейку или просто плюхнуться в песок и сидеть так – спиной к огням своего дома, лицом – к огням далеких кораблей и звездам, всем телом – к ветру и песку. Пить пиво из безразмерной, на всех, пластиковой канистры, закусывать соленой рыбкой. Обыкновенно их встречалось человек пять-шесть: места хватало всем.

– Как дела? – бросил Егор, подойдя к скамейке, коротко отвечая на рукопожатия.

– Всё ничего, – кивнул худой парень в капюшоне, за ним еще один и следующий. Егор, конечно, помнил все их имена, но они не назывались: обращались здесь, как правило, сразу ко всем и ни к кому. «Стая» общалась сама с собой, *переливала* слова. Они были подобны морю, бьющемуся вдали от скамейки: говорили приливами и отливами. Растекались вдоль берега, чтобы отхлынуть вновь.

– Подвинься, – сказал Егор.

Старая скамейка позволила вместить еще одного. Канистра стояла у ног, чтобы тушить в головах пожары – недаром ведь чей-то изощренный маркетинговый ум назвал пиво «Огнетушитель». Но пожаров давно не было – лишь истлевали угли, шипели под хлынувшей влагой и окончательно гасли. Тогда все расходились по домам.

Неотвратимо близилась зима. Они сидели, смотрели молча вперед. На воду.

– Ухать бы отсюда, что ли.

И эта пластинка здесь нет-нет да и заводилась. Егору было все равно, он не участвовал ни в спорах, ни в обсуждениях – только ждал, когда, перетерпев молчание, тот, кто поднял этот вопрос, сам себе и ответит – каждый раз в тех же словах и оттенках:

– Вот только куда, зачем?

Так происходил отлив. Егор знал, что пройдет неделя, месяц, и этот вопрос, как бутылку с письмом, снова прибьет к их берегу. Но он, Егор, эту бутылку никогда не открывал – ему хватало той, что с пивом.

– Говорят, наши дома скоро выкупят. Под миниотели.

Егор и эти все новости слышал. Да что там слышал, он вырос здесь как будто при включенном радио, где только и обсуждали, что выкуп их старых домов. Он знал, что все дома у моря, рядом с морем, за остановку от моря – давно были переделаны под жилье для отдыхающих. Где-то слышал, что так теперь везде – ну, в смысле, во всех южных городках: куда ни приедешь, везде

нежилой центр, нежилое побережье. Целые города сдаются, местные ютятся на окраинах, на дачках. Да что там где-то – здесь и слышал: в этой же компании, на этой же скамейке.

– Странно, что еще не выкупили, – сплюнул кто-то.

Слышал и это.

– Странно, что их еще не снесли! – раздалось возле его уха.

– Да кому сносить-то? Что здесь строить, пятизвездочный отель?

Егор чувствовал, как копится раздражение. Сам не понимал, на что, зачем.

– Странно, что сами не рухнули! – пробубнил еще один парень.

Выслушав все точки зрения, Егор кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Мы вообще живем в странном мире, ребята, – мрачно сказал он.

– Это уж точно, – загудела вокруг стая, пришла в движение. – Мелочи бы еще собрать. Слышь, Егор, есть у тебя...

Егор приходил домой за полночь. Мать спала, отец привычно сидел на кухне, читал.

– Как дела? – спрашивал он.

– Всё ничего, – махал рукой Егор и, шатаясь, шел в свою комнату.

Обыкновенно разговор не продолжался, но иногда отец в порыве странных, непонятных Егору чувств кричал ему вдогонку – не от злости, просто чтобы тот услышал:

– Хотел бы я вырасти в таких условиях! У тебя во дворе море, звезды, а ты... Ты ничего не видишь.

Егор пожимал плечами и молчал. Он видел море и звезды – и что? Ну море. Ну звезды. Он считал отца «немного странным» – тот не пил, по вечерам и выходным сидел на кухне, читал книжки. Мать все делала чего-то, суежилась да ворчала. А он – нет. Часто ездил в командировки, но чем он там занимался, Егор и понятия не имел.

А еще в их бесконечном дворе была Лера – в их стае, конечно, самая яркая птица. Девчонок вообще было мало – одна мелюзга на два дома – и взрослые женщины, что обходили их «рай на скамейке» десятой дорогой. Лера, правда, тоже стала взрослой – недавно, на днях, ей стукнуло восемнадцать. Здесь же, на пляже, и стала: праздновали полночи, брали, помимо будничного пива, шампанское.

Лера не каждый вечер приходила «во двор»: за ней было бесполезно заходить, звонить ей, да никто этого и не делал. Там, на пыльной скамейке, встречались больше с собой, чем друг с другом.

– Лер, – говорил Егор, – смотри, какие звезды, а! Хочешь, я подарю тебе их все!

Егор дразнил Леру, ему самому были смешны эти слова, он захлебывался в рвущемся наружу смехе.

– Жене своей будешь дарить в постели, – насупилась Лера.

– А чего жене-то, а? – наседали Егор. – Давай тебе. Давай ты будешь моей женой.

Все уже ушли, кроме одного парнишки, совсем молодого. Он перебрал, его мутило, и вот теперь сидел, корчился на скамейке, то складывался пополам, то падал в песок, вставал и снова забирался на скамейку, прислонялся к плечу Леры, но та отталкивала его. А Егор вдруг ощутил мощный прилив – сил, чувств, эмоций. Почувствовал, что выпил он именно столько, что ровно столько и нужно было, чтобы все это почувствовать, и выпей он капель больше или капель меньше – ничего не сошлось бы. А так все сошлось – и звезды, и Лера, и счастье. И их бесконечный «двор». Он целовал ее в тонкие обкусанные губы, гладил ее щеки, обнимал неумело, скользил по пуховой куртке рукой, щупал грудь, возвращался снова к лицу, перебирал волосы.

– Не надо меня гладить по голове, – оторвалась от поцелуя Лера.

Егор ничего не хотел слушать, он тяжело дышал и смотрел на нее не отрываясь.

– Как будто я маленькая, а маленьких по головке гладят и приговаривают: ты маленькая, ты хорошая. А я не хочу быть маленькой.

– Ага, – ответил Егор.

– Не хочу быть хорошей!

– Я пошел, – вскочил, наконец, перебравший парнишка.

– Давай, – бросил Егор и нырнул с головой в Леру, в ее огромное, теплое, колышущееся море.

– Не хочу быть хорошей, не хочу быть хорошей... – шептала она. – Не хочу быть хорошей.

Когда Егор проснулся, первым делом выглянул в окно – и долго смотрел на море. Потягивался и улыбался. Скамейка была пуста, только пара канистр «огнетушителя» перекатывались рядом, как будто их гнал на неведомую свалку ветер-дворник, да все никак не справлялся.

Вспомнил вчерашний вечер, и сразу стало хорошо. Вспомнил слова отца почему-то и вдруг поймал себя: он видит море. Не просто смотрит вдаль, а *видит*. Звезд не было, но он видел прекрасный день: осеннее солнце, кружащие листья, торжествующую жизнь.

– Мы уезжаем, – сказал отец.

Егор обернулся и увидел его на пороге своей комнаты.

– Куда? – спросил он.

– На север. Завтра. Тебе бы надо собраться, а то не успеешь.

– Ты раньше, – растерянно произнес Егор, – не говорил...

– Ну знаешь, – замялся отец, – работа такая... Но оно и хорошо: может, хоть там делом займешься.

Он примиряюще похлопал сына по плечу и вышел. Егор повернулся к морю и уставился вдаль – но уже ничего не видел, а просто смотрел. Взял с подоконника ракушку – обычный дешевый сувенир для отдыхающих. Лакированная морская ракушка, она не забавляла Егора, пылилась годами возле окна – да и к чему сувениры, когда рядом живое море? Поднес к уху и долго вслушивался.

– Не хочу быть хорошей, – шептала ракушка. – Не хочу быть хорошей...
Вечером, когда зажглись огни, он снова вышел, как выходил каждый день, как выходил всю жизнь.

– Как дела, парни? – спросил он.

– Все ничего, – ответил один голос, за ним еще один и еще.

– Я, это... Уезжаю, – сказал Егор.

– Надолго?

– Навсегда, видимо.

– Ну давай, – чья-то рука протянула ему «огнетушитель». – Едь.

Потом долго молчали. Молчала и хмурая Лера, потягивая пиво.

– Куда хоть? – спросила стая.

– На север.

– О! – оживилась стая. Но оживление угасло, едва успев родиться. – Ну ладно.

Егор вдруг почувствовал себя маленьким крабом, выброшенным на пустынный берег. И отругал себя сам: ну что за дурацкие мысли?

– Лерка, – сказал он, – ну а ты хоть чего?

– Я? – переспросила Лера. – Я ничего.

– Ну я, это, уезжаю.

– Ну давай, это, – усмехнулась Лера. – Езжай.

Он отошел от скамейки и побрел в сторону тоненькой улочки, разделявшей их с Лерой дома, но вдруг остановился. И вернулся к ней.

– Ты хоть сама-то как, после вчерашнего? – спросил он. – Нормально?

– Да, – зевнула Лера. – Всё ничего, Егор, всё ничего.

И ему почудилось, словно, как Бог вдувает душу в человека, так и сам ветер, или, может, взметнувшийся над скамейкой песок, или ракушка, помнящая слишком много, или само море, стремительно отливающее от черного берега, или эти тонкие, обкусанные губы, в которые он впился взглядом, не желая отпустить, а может, и все они вместе – шепнули ему в самое ухо, вдыхая ее в себя, оставляя всю ее здесь, без остатка, растворяя в себе:

– Езжай.